

УРОК ИСТОРИИ ОТКРЫТЫЙ

Сегодня, 16 июня 2020-го года, для меня замечательный день! Это день долго ожидаемой мною связи с городом моего детства, с моей малой Родиной –Томском!

Кто бы знал, что через восемьдесят три года после исчезновения из нашей квартиры в Томске моего любимого отца – Петра Павловича Лямзина, –в одну из декабрьских ночей 1937-го года его увели навсегда вторгшиеся к нам оборотни в длинных тёмных шинелях, – я смогу разговаривать с людьми, которые живут в моём родном городе.

Да, такие люди народились в России за эти годы, и им дано возратить добрую память о наших отцах, безвременно погибших в 30-е годы!

Буду писать так, как идёт очередная мысль, как бежит строка.

Навсегда в памяти осталась картина: отец, спокойный, бледный стоит на пороге квартиры в лёгком светло-сером костюме. Около него – наши неожиданные «гости».

Метнулась Мамочка за папиной одеждой: «Петя, возьми пальто!» – «Не нужно, Катюша, я скоро вернусь. Это недоразумение...»

Утром мы узнали, что все семьи технических работников, живущих в нашем доме, осиротели в эту ночь. Всех отцов «загребли» в одночасье. Это был дом на Ленинском проспекте, предназначенный для семей технических работников Томских вузов. Он стоял почти на пересечении двух проспектов: Ленинского и проспекта имени Кирова, – так подсказывает мне моя память.

А затем – стена молчания на годы, на десятилетия... Остались дома с Мамочкой Катей двое детей: сын Володя 1926-го года и дочка Татьяна 1931 года рождения.

Как счастлива я, дочка своего любимого Отца Петра Лямзина, что спустя столько лет пришло время и нашлись люди, которые создали музей жертвам политических репрессий в моём родной Томске!

Это действительно счастье – дожить до этих времён, быть выслушанной по телефону одним из организаторов этого замечательного музея – Василием Ханевичем! Да это просто какая-то сказка!

Нет, не то, чтобы я на протяжении своей жизни подвергалась каким-то унижениям и гонениям. Нужно сказать, что судьба моя, – как я осмыслила это спустя многие годы, – была счастливой. Просто меня, видимо, хранила Высшая сила для вот этих же будущих встреч с томичами 21-го века!

Мне посчастливилось после ухода из жизни моей мамы в 1942 году, в июне, вместе с братом Володией по специальному удостоверению, присланному нам из совхоза имени Микояна Сталинградской области родными Мамочки, проехать через Сибирь, уральские горы до Волгоградских степей в новую свою обитель.

Судьба хранила нас с братом и от гибели под вражескими бомбами, и от плена, и от эвакуации... Но это совсем другая история. И я обязана, прежде всего, как сказал мне в нашем первом телефонном разговоре Василий Ханевич, описать нашу жизнь в те годы, когда семья была ещё жива. Живы память и вера и совесть.

И я постараюсь, по возможности полно, описать, что это была за жизнь одной из интеллигентных семей России в те далёкие 30-е годы 20-го века. Друзья мои, прочитав первую мою поэму «Репортаж с планеты Душа, сказали: «Это маленькая энциклопедия жизни России 30-х и начала 40-х годов». Поэтому в моём повествовании будут фрагменты из этой поэмы.

Первые проблески детской памяти подсказывают мне картинки из жизни нашей семьи где-то на окраине Томска. Деревянные дома, деревянные тротуары, стены дома, где облупившаяся побелка обнажила глинистую основу, которую можно было колупать и тащить в рот.

Видимо, не хватало каких-то органических веществ в растущем детском организме.

Затем – мамыны и папины ласковые руки, какая-то закатившаяся между половицами стеклянная красная бусинка, потеря которой доставляла большое огорчение.

А затем, затем – вот он – Ленинский проспект, квартира на последнем этаже и светлые, не очень большие, но уютные комнаты, кажется, в трёхкомнатной квартире, где началась самая счастливая и самая памятная пора моего раннего детства.

ОТЕЦ... Что и как рассказать об этом Человеке? Да, это был, действительно, Человек с большой Буквы.

Прожив почти – (как это страшно сказать!) – почти 90 лет на Свете, я могу сказать, что на моём веку не встретился Человек, по масштабу своей Души, по масштабу личности подобный моему Отцу – Петру Павловичу Лямзину.

Нет, это не потому, что Он был моим Отцом! – Он был замечательным специалистом, – даже в каникулярное время в наш дом шли студенты, которым он помогал разобраться с курсовыми или дипломными работами.

Он до глубокой ночи засиживался в своём уютном кабинете, книжные шкафы которого были забиты словарями на иностранных языках, научными трудами, но также и художественной литературой.

Я помню, как по вечерам, с разрешения Папы, устраивалась в кресле рядом с его письменным столом, где начинала рассматривать и перелистывать лошёные страницы трёх томов Альфреда Брема «Жизнь животных». Папа, сидя за письменным столом, при свете настольной лампы с зелёным абажуром, продолжал читать и писать, что было намечено на этот вечер.

А я с благоговением прикасалась к очаровательным изображениям животных в бремевских томах: млекопитающих, птиц и хладнокровных (крокодилы,, змеи, черепахи.)

Помню особый запах этих клейких страниц и прилипшие кое-где листы папиросной бумаги, закрывающие необычно яркие, какие-то маслянистые фотографии.

Эти три книги исчезли из нашего дома после прихода ночных «гостей» в роковую декабрьскую ночь 1937 года.

Папа вообще очень заботился о развитии нас, детей. Он собирал и собрал большую библиотеку, которую мы читали в последующие годы, уже без него. Это сказки «Карлик Нос», «Гаргантюа и Пантагрюэль», «Гулливер в стране лилипутов», «Сказки дедушки Римуса», «Али-Баба и сорок разбойников», сказки А. С. ПУШКИНА, произведения И. С. Тургенева, М. Ю. Лермонтова, М. Горького, А. П. Чехова.

Как это ни странно, – ведь это было самое раннее моё детство – 1933-й и 34-й годы., – но в памяти запечатлелась общая семейная тревога за наш пароход «Челюскин», на котором была предпринята попытка за одну навигацию пройти по Северному морскому пути из Мурманска до Владивостока. Руководил экспедицией Отто Юльевич Шмидт.

Но в феврале 1934 года «Челюскин» был раздавлен льдами в Чукотском море. Сколько было по этому поводу разговоров, сколько волнений! Папа читал нам всем вслух сообщения из газеты «Правды» – о дрейфе «Челюскина». Мы с братом по вечерам, воображая себя пассажирами «Челюскина», пальчиками прокладывали свой воображаемый маршрут «Челюскина» на оконном стекле, занесённом инеем.

Все вместе мы слушали сообщения о дальнейшей судьбе челюскинцев по радиоприёмнику. Мы знали, что там, среди льдов, на пароходе, кроме взрослых, ждёт избавления от ледового плена маленькая, недавно родившаяся девочка!

Мы особенно переживали за неё и за её Маму. Но однажды Папа, пришедший с работы, торжествуя, заявил нам, что на спасение челюскинцев вылетели наши лётчики –герои. Будет спасён весь экипаж!

И квартира услышала наше общее дружное семейное «Ура-а-а-а!

Замечательным периодом в нашей детской жизни была пора, когда Папа выписал нам с Вовой два журнала «Мурзилка» и «Чиж».

Мало того, что в этих журналах размещались интереснейшие рассказы писателя Бианки о животных, сказки, стихи Пушкина, стихи Агнии Барто и Маршака. – В журналах были картонные вставки, из которых можно было смонтировать детские игры.

И одна из них стала для нас самой занимательной. Это была игра, изображающая борьбу с фашизмом в Испании. Фашисты были нарисованы как страшные уроды. А наши бойцы-интернационалисты, пользуясь интересными ходами, побеждали этих уродов.

Весёлый «Чиж», «Мурзилка» добрый
Вспорхнули в наш беспечный день.
А красных маршей ритм гордый –
Он нас преследовал везде.
И в детской спальне, утром ранним,
Летел на битву эскадрон
И поднимал победно знамя,
В страну и в Ленина влюблён!

Победа добра была неминуема. Ведь то было время нападения фашистской Германии на Испанию. И по радио много говорилось о том, что Советская страна не бросит и не бросила на произвол судьбы детей испанских патриотов. За ними был послан корабль. И этот корабль с испанскими детьми пришёл в Москву.

Мы переживали за этих детей и с радостью узнавали, что дети испанских патриотов начали жить и учиться у нас, в СССР.

Среди этих детей был сын известной испанской пассионарии Долорес Ибарурри – Роберт. Позднее, когда началась Великая Отечественная война, Роберт пошёл на фронт вместе с бойцами Советской Армии. Он погиб как герой под Сталинградом.

Через журналы и газеты мы впервые познакомились с неподражаемыми карикатурами наших художников КУКРЫНИКСЫ.

Помню, Папа часто говорил о том, что Володе нужно купить лошадку, потому что каждый мужчина должен учиться скакать на коне.

И однажды в нашем доме появилась маленькая лошадка (сантиметров двадцать), запряжённая в санки. Её подарил Вове кто-то из наших знакомых. Но этот подарок не стал окончательным вариантом исполненных желаний.

И вскоре папа принёс на день рождения сына большую белую лошадь из папье-маше. На ней можно было садиться и ездить – она была на колёсиках. Но скакать-таки было невозможно. И всё же это был царский подарок, которым мы были очень довольны.

После исчезновения Папы из нашего дома, конечно же, семья лишилась кормильца. Мамочка наша – от природы маленькая и слабенькая, по болезни в своё время не закончившая исторический факультет Казанского университета, встретила в Сибири с отцом, когда в годы первой пятилетки поехала из Казани в Сибирь на лесозаготовки.

Ей ли, такой маленькой и слабой заниматься лесоповалом?! Она заболела воспалением лёгких и слегла. А больше и не выехала из Сибири, – уже образовалась семья и родился сын.

Мама, конечно же, не работала. Она занималась семьёй: двое детей, довольно большая квартира. Домработницы в доме не было. Нужно было в образцовом виде «выпускать» нашего Папу и на занятия со студентами и на какие-то симпозиумы, и в командировки. Это ведь обычная жизнь учёного.

А папа, кроме преподавательской деятельности, занимался научной работой, писал научные труды и, насколько помню, преподавал не только в Томском Железнодорожном институте, но и в других вузах Томска.

Мама после исчезновения из нашей жизни Отца, устраивалась на временные заработки при Томском медицинском институте.

Это было уже после того, как мы, по требованию управдома, покинули свою комфортную квартиру на Ленинском проспекте и переехали на окраину Томска.

Мы поселились, вернее, сняли одну комнату у владельца двухэтажного деревянного дома. Дом стоял как раз против Томского медицинского института. Помню, как Мамочка устроилась референтом к одному профессору медицинского института Петру Ивановичу.

А работа её состояла, прежде всего в том, чтобы быть поводырём Петра Ивановича – (профессор был слеп, и его приходилось приводить и уводить с лекций, которые он читал в институте).

Помню, что Мама помогала профессору также с оформлением каких-то бумаг. Платил Пётр Иванович из своей зарплаты, конечно же, какие-то копейки. Другой работы для жены репрессированного не предусматривалось.

Приходилось искать какие-то источники дохода. Нужно было кормить детей. И невольно после исчезновения Папы из нашей жизни Мама решила сдавать в букинистический магазин книги, которые заполняли папин книжный шкаф.

Мы с братом Вовкой – (сами ещё маленькие и слабые –недоросли), – тяжёлыми пачками таскали эти книги через реку Томь большим грохочущим мостом (пантоном). Это были памятные вояжи. Букинисты тоже платили за редкие книги копейки...

Но возвращусь снова в то время, когда была жива наша семья. И я вспоминаю эту пору, как самую благодатную в своей жизни. Родители наши предоставляли нам, детям, полную свободу действий в этой замечательной квартире на Ленинском проспекте.

Мы не ходили ни в детский сад, ни в школу. Детских садов пока что в округе не было. А Володя, по желанию Мамочки нашей, занимался дома. В домашних условиях он прошёл весь курс начальной школы под руководством учительницы-репетитора.

Дома, иногда своевольно врываясь в учебное пространство брата, или подслушивая под дверь, о чём там идут разговоры, я, уже в четырёхлетнем возрасте научилась читать и однажды за один день прочла от корки до корки Вовкин школьный букварь.

По радио мы слушали, запомнили на всю жизнь и пели прекрасные советские песни: «По военной дороге», «Песню о Щорсе», «Раскинулось море широко», «По долинам и по взгорьям», рассказы о революционерах, которые до революции печатали газету «Правда» в тайной типографии, рассказы Чехова, сказки Пушкина, «Детство» Максима Горького.

В своей спальне мы строили из стульев свою импровизированную типографию, в которой, якобы печатали, – Вовка был на пять лет старше меня, – листовки, призывающие рабочий класс к революции. Вовка из каких-то кусочков свинца сделал азбуку и, окуная в чернильницу эти буквы, печатал на бумаге: «Долой царя! Идём на маёвку!» и ещё что-то подобное.

А когда с работы приходил Папа, мы иногда усаживались с ним вместе у недавно купленного новенького радиоприёмника и слушали романсы в исполнении Козловского, рассказы Чехова, песни о гражданской войне, русские народные песни.

Папа, несмотря на свою чрезвычайную занятость, старался уделять нам, детям, как можно больше внимания.Его участие в нашей жизни было естественно и непринуждённо. Он с увлечением учил нас мастерству оригами. Я только во взрослом состоянии узнала, что умение делать всевозможные фигурки из бумаги – это мастерство носит название ОРИГАМИ.

Папа научил нас с братом на всю жизнь делать из бумаги человечков, кораблики, самолётики, воздушные шары, бумажные кошельки (сумочки), лодочки.

Папа умел рисовать. И у меня до сих пор хранится на листочке обветшалой бумаги его факсимиле: крест-на крест сплетённые две изразцовые букв П и Л, – ПЁТР ЛЯМЗИН.

Когда наступало лето, мы уезжали всей семьёй на так называемую дачу – в одну из близлежащих от Томска деревенок. Одна из этих поездок – как раз накануне папиного ареста – оставила в душе моей особенно глубокие впечатления. Обо всём этом я написала в своей поэме «Репортаж с планеты Душа».

Папа руководил нашим отпуском. Вместе с ним мы, дети, ходили к председателю колхоза, чтобы засвидетельствовать своё прибытие в этот колхоз, как старожилам Томска, поближе познакомиться с нравами хозяев этого отдалённого от цивилизации уголка, что-то понять, запомнить и, как я сейчас уже соображаю, «намотать себе на ус». И что мы там увидели: в рабочее время председатель колхоза предстал перед нами сидящим за своим рабочим столом, пьющим молоко и заедающим это питие краюхой чёрного хлеба с мёдом. (Не исключаю, что где-то рядом стояла винная чарка. Папа это уловил, между прочим). Это угощение было предложено и нам, после краткого знакомства. Папа поблагодарил и отказался. А на крыльцо председательской избы мы взбирались под аккомпанемент ревущего быка, который у стены дома бушевал и пытался сорваться с привязи. Он, видимо, жаждал свободы. Зрелище было не из приятных. Но председатель флегматично заметил: «Уж такой у Борьки нрав. Не обращайтесь внимания».

А после краткого знакомства Он приглашает нас присесть.

А сам, нимало не смущаясь,

Со вкусом продолжает есть душистую краюху хлеба

И, запивая молоком, заводит речь о том, о сём,

Что, дескать, трудно нынче сеять, –работать некому в селе.

Все бабы дома засиделись, и рвутся в город мужики.

А те, что здесь – навеселе почти в любой из дней недели.

И что покосы далеки, А те, что рядом, – не созрели...

После недолгой ознакомительной беседы мы, возвращаясь, натыкаемся на брошенную, заржавевшую косилку у забора. А папа идёт и, как будто ни к кому не обращаясь, говорит: «Вот они, нынешние хозяева: в рабочее время льётся водка с молоком, а рабочий инвентарь ржавеет у забора, зарастая крапивой!»

Смеётся Папа: Нелегко остаться с трезвой головой

Хозяевам столь мудро-пылким, когда в разгар страды покосной

И бык ведёт себя несносно и льётся водка с молоком!

Там, в деревне, мы впервые увидели не игрушечных, а живых коров, овец, лошадей. Там впервые узнали вкус парного молока. Однажды, гуляя на природе, мы увидели на маленьком мосточке двух козчиков, которые, сцепившись рогами, сражались между собой. Увидев их, я закричала от страха, что один из них сейчас упадёт и разобьётся. Но папа с улыбкой заметил: «Не бойся, оба будут живы». И тут же прочитал присказку:

По песочку течёт речка. Через речку мостик.

На мосту стоит овечка. У овечки хвостик.

Пересохла речка. Развалился мостик.

Умерла овечка. Отвалился хвостик.

И я снова залилась слезами – очень уже жалко было овечку. А Папа, погладив меня по голове, показал на пасущуюся неподалёку овечку и сказал: «Овца-то старая жива – не отвалилась голова!» И меня успокоил.

А однажды, помню, мы шли с папой по крутому бережку порожистой сибирской речушки. И папа нам с братом объяснял: вот в этом месте прошлым летом ястреб обосновал своё гнездо. А вот там, повыше, живёт птица выпь.

Он рассказывал нам о повадках животных и птиц. И вскоре купил нам с братом книгу какого-то американского писателя о домашних и диких животных. А самым интересным и запомнившимся мне рассказом в этой книге был рассказ о том, как в одном американском городе ежедневно один из жителей, некий дядюшка Джо вывозит со своего двора коляску--двуколку и, путешествуя через всю улицу, бросает клич: «Печонка, варёная печонка, печонка...»

И на этот клич сбегаются к его двуколке все кошки города. Они знают час появления доброго дядюшки Джо в этих местах.

Вот бы и у нас, – думалось мне, нередко, вспоминая щедрость дядюшки Джо, возник такой обычай – кормить бездомных животных! В Мире прибавилось бы доброты и улыбок...

В отпуске, в известной уже деревеньке, мы с папой ходили в кедровник, чтобы собирать кедровых шишек и лущить орехи.

Здесь впервые в жизни удалось мне увидеть замечательных юрких зверьков – бурундуков, которые не очень-то боялись людей. Они усаживались почти рядом с нами на кедровую ветку и с любопытством довольно продолжительно наблюдали: что же мы будем делать. Папа взбирался на кедр и сбрасывал нам с братом оттуда шишки. Мы с Вовкой собирали смолистые, литые лесные плоды. И потом дома лущили из них орехи. Их предстояло ещё прокалить на сковородках над плитой. Нет ничего вкуснее калёных кедровых орехов!

Мы часто так же в эту летнюю пору ходили с Папой за земляникой. Сибирская земля щедра на кедровые сборы, на малинники, на чернику, землянику, голубику.

Сбор земляники не обходился без ворчания брата Вовки. Я, вместо того, чтобы методично и внимательно просматривать каждую, как говорится, пядь земли, зачастую бестолково топталась и давила самую крупную сочную ягоду. Что с меня – четырёхлетней возмёмшь?!

Вовка возмущался моим поведением и называл меня кулёмой и клушей. А папа добродушно смеялся и говорил, протягивая мне красивый кустик крупной земляники: «Вот возьми, доча, подаришь от всех нас нашей Мамочке!» Этот его жест вносил умиротворение в нашу маленькую компанию. И мы, возвращаясь, видели, как Мама на полянке над походной печкой варит земляничное варенье. Варенье это предназначалось, как витаминное средство, на всю зиму. Но вряд ли его хватало до весны... Мы все были любителями чая с вареньем.

В этот, последний раз нашего пребывания во время папиного отпуска в деревеньке, мы возвращались в город, как я помню, сидя на возке, которую тянула маленькая лошадка. Папа с Мамой ехали за нами на какой-то маленькой легковой машине. Мы с Вовкой и мужчина-возница сидели на возке. А на самой высокой точке домашнего скарба – (кастрюльки, банки с вареньем, тарелки, кружки, ложки, мешок с кедровыми шишками), – покрытого старой скатертью, гордо сидел маленький рыжий котёнок. Он стал подарком от хозяев той дачи, того дома, в котором мы жили. И этот котёнок, названный нами Пушком, стал героем следующего события.

Возвратившись в город, буквально на следующий день мы встречали гостя, – к нам пожаловал приехавший с Украины папин студент Николай Прищепа. Мы уже привыкли в таких визитах папиных студентов в конце летнего отпуска. Они приходили, не дожидаясь начала занятий. У каждого была своя причина. Папа их встречал всегда добродушно и с улыбкой. Кто-то хотел согласовать с профессором название своей дипломной работы. Кто-то привёз интересную книгу и хотел поделиться такой удачей. Кто-то просто откровенно признавался, что уже соскучился по занятиям в институте.

Прищепа приехал от родителей, которые у него жили на Украине, и пришёл рассказать, как живётся его родным вдалеке от Сибири. При этом он вручил нам свой скромный подарок три крупных румяных яблока. Таких яблок я ещё не видала...Нет, лучше, чем сказано в моей поэме, я сегодня не скажу, извините меня:

В один из этих вечеров пришёл, вернувшись с Украины,
Студент Прищепа. Наш Пушок к нему в калошу тут же – скок!
И обновил калошу мигом. Немножко лапкою подрыгал
И продолжал, раззявив рот, по коридору свой обход.
А мама с бабушкою; «Ох!» И начался переполох.
Однако, как вы все наивны! Ведь Пух свой фокус – будь здоров –
Запрограммировал научно, – всё кончилось благополучно.
А за добро, тепло и ласку Прищепа нас благодарил
И нерасказанную сказку он нам в тот вечер подарил:
Три крупных яблока медовых у нас лежали на столе:
Дары от берега Днипрова Сибирской матушке земле....

И снова, неизменно мысль возвращается к той страшной декабрьской ночи, к тому визиту, который стал роковым для этой семьи, где смеялись и играли дети, где хозяин дома – большой, умный и добрый Человек, сам как ребёнок, верил только в добро, жил, как дышал, дарил людям свои знания, свой талант, обожал свою редкой красоты и ума маленькую жену, называл её в письмах своих стройной берёзкой, мечтал воспитать детей своих настоящими людьми, которые будут любить Россию, Природу и людей. И, в контрасте с визитом Николая Прищепы так выглядел другой «визит»:

Но далеко не все визиты, общенья жажду утолив,
Беспечной радостью повиты. Краюху жизни посолив,
Проклятым был один из них... По-воровскому ночью крался
Визит тот, вправду говоря, – как будто сам себя боялся
И сам себе не доверял: в однообразности шинельной,
В многосапожии шагов вступило НЕЧТО в круг семейный
В запретный срок, в стихию снов. Исторгнув свет из тёмной ночи,–
Недобрый свет в недобрый час, детей пугая и мороча,
Оно обрушилось на нас. Покорствуя безвестной воле,
Ведомо жёсткою рукой оно вторгалось в мир, дотеле
Где жили счастье и покой. Загоношилось, зашуршало,
Зашелестело по углам, и разрушало и шныряло,
И жизнь ломало пополам. И то, что искони считалось
Святым святая – кабинет Отца, оно туда ворвалось
И сокрушило до конца. И многорукое как шива,
И многолико, как закон, над всем короткий суд вершило,
Лизало жадным языком. Картина в золочёной раме
И рукописей череда – плоды бессонного труда,
Часы в серебряной оправе, любимец Брем, –
Бог весть куда исчезли с полок навсегда...
Приёмник тоже прихватили и по пути разворотили.
И по бумагам ради скуки, – чем ум недалний пренебрёг, –
Как бы в насмешку над наукой, прошёлся кованый сапог...

Особенно памятными были дни накануне очередного празднования Дня Великой Октябрьской революции. Только догадываться могу, полагаясь на свою интуицию, что это был праздник Октября 1936-го года; один из последних благополучных лет нашей жизни в Томске.

Этот день всегда проходил в громе оркестров, праздничных маршей, в сиянии иллюминации по вечерам. А в этот раз почти накануне празднеств Отец пришёл домой после работы и объявил всем нам – своей семье: «На день седьмого ноября центр нашего городского праздника будет здесь, где мы живём. На фронтоне нашего дома, над моим кабинетным балконом будет размещён макет сконструированного нашим институтом макета ЭЛЕКТРОВОЗА. Коллектив нашего института будет принимать благодарность округа за наш труд!».

И это было, это было! Я не забуду никогда!
Знамён над нами море плыло. И в ритмах праздничного марша
Мечта взлелеянная наша, макета нашего звезда
Над нашим домом возвышалась. И наполнял успех Отца
Восторгом детские сердца! Округа пела и плясала
И сплав чудесный прославляла Науки, мира и труда!

Добавлю, что чувство торжества и радости пронизало тогда моё существо насквозь. Я сидела у Папы на плечах. Он стоял среди людей с радостными лицами. И к нему постоянно подходили его сослуживцы – молодые и постарше. Все жали ему руку и, показывая на макет электрохода, размещённый на фронтоне нашего дома, с улыбками выражали восхищение и благодарность.

Мама смотрела на это торжество с балкона. А вечером опять же с Папой мы пошли, как это было заведено по семейной традиции, по улицам Томска любоваться иллюминацией.

Во время этого маршрута мы увидели на зданиях, расположенных почти перпендикулярно проспекту имени Кирова, возникшие гигантского размера портреты Ленина и Сталина. Рамки портретов обрамляли гирлянды иллюминационных огней. Это видение потрясало: Кумир во всей силе своей взошёл над страной!

И завершить своё повествование я хочу своим гимном Папиных мудрым и добрым рукам:

О, эти руки! Вы могли водить стальные корабли,
С вихров ребячьей головы снимать дрожание испуга
И молчаливо верить в друга, ему пожатые подарив;
И в грустном лепете листвы искать угаснувшее лето,
Воображенье покорив, зверей чудесных создавать.
Ажурным кружевом виньеток альбома поле покрывать,
И ручку Мамы поднимать, чтобы её поцеловать.
И день грядущий рисовать в вечернем золоте рассвета.
О, руки эти! Вы могли, Добыв из недр родной земли
Запасы редкостной руды Добра, дерзаний и стремлений,
Легко по жизни пронести, Но не умели отвести
Нависшей над собой беды, что в путах лжи и подозрений
Творил слепой и мрачный гений...

Вот, пожалуй, основное, что я могла написать о Петре Павловиче Лямзине, каким остался Он в моей памяти после его ухода в декабрьскую ночь 1937-го года навсегда из жизни семьи, Томска и нашей планеты Земля.

Думаю, однако, что следовало бы передать вам, мои дорогие новые друзья, организаторы и попечители нового Музея Памяти Жертвам политических репрессий в моём родном и любимом городе Томске, пусть краткие сведения о членах семьи Петра Павловича.

Мамочка моя Екатерина Александровна Лямзина- Пospelова была родом из священнической семьи. И Отец её Александр Иванович Пospelов, и дед по линии матери Василий Иванович Воскресенский были священниками.

Сын Петра Павловича, мой брат Владимир Петрович Лямзин, 1926-го года рождения, после исчезновения Папы из нашей жизни закончил семилетку. В 1944 году ему исполнилось 18 лет, и его взяли в Армию. Это было уже в Сталинградской области, в совхозе имени Микояна, куда уехали мы с Володей в июне 1942-го года после смерти Мамы. Володя попал в войска МВД, – думаю, что не без влияния одного из друзей моего дяди Алексея Анисимовича Родионова, в семью которого мы и приехали из Томска.

Дядя был главным агрономом в этом овощеводческом совхозе. А жена его – моя тётя Зина была младшей сестрой моей Мамы Екатерины Александровны. Помню, что к нам из районного центра – Чёрный Яр и приезжал погостить этот Человек, по фамилии Огарков, работающий в органах КГБ. Он был дружен с нашей семьёй.

И была удивлена однажды, что после очередного его визита тётя Зина доверительно, как взрослому человеку, сообщила мне, двенадцатилетней, что Огарков, – (конечно, она называла его по имени-отчеству, которые я не запомнила), – Огарков в их беседе сказал, что такого террора, который развёрнут Сталиным с его приближёнными в СССР, никогда не было ни в России, ни в другой какой-либо стране.

Ясно, что Огарков был мужественным человеком и очень сочувствующе относился к нашей семье. Неслучано, они видимо с дядей Лёшей и тётей Зиной не раз обсуждали и судьбу нас, детей, ставших жертвами сталинских репрессий.

И, скорее всего, благородный Огарков приложил руку к тому, чтобы маленький наш Вовка, по возможности, попал в такие войска, где было больше гарантии не погибнуть в первом сражении. Дай Бог ему счастья на Том Свете!

Володя, участвуя во Второй Отечественной, действительно остался жив и даже не получил ни единого ранения. Он прошёл с этими войсками от Сталинграда до Прибалтики и вместе со своими боевыми товарищами прослужил в Армии до 1949 года. А потом рассказывал, как они в Эстонии и Латвии вылавливали фашистских шпионов, этих выкормышей Шушкевича и Бандеры.

После демобилизации Володя закончил политехнический техникум в Ленинграде и работал инженером-техником по обслуживанию тракторно-машинного парка а в одном из совхозов Ленинградской области. Последние годы жил в Гатчине в собственной квартире вместе со своей женой Валентиной, которая имела агрономическое образование. Детей у них не было. И весь интерес его составляло чтение книг о нашей Советской Армии. Он изучал биографии наших маршалов: Тухачевского, Блюхера, Рокоссовского, Жукова, любил рассуждать на политической темы, старался вникнуть в причины трагедии, связанной с политическими репрессиями. Он же, первым, хлопотал и получил ответ из ФСБ о нашем Отце – Петре Павловиче Лямзине. И вскоре после получения этих сведений выслал мне копии этих документов. Это было в 1995 году. Сейчас Володи уже нет на Свете. Он ушёл из жизни в 1996 году.

Хочу сказать и о том, что мы, дети Петра Павловича Лямзина, не стали озлобленными и замкнутыми людьми. Мы не затаили яда в душе своей на страну нашу, Россию, которая сама исстрадалась, часто руководимая недостаточно мудрыми и даже недалёкими политиками.

Мы не опустили руки и по-своему переосмыслили трагедию, постигшую множество семей. Мы даже поняли, что Сталин, совершивший огромный грех и нанесший великий ущерб России своими репрессиями, тоже стал жертвой тёмных сил. Об этом, между прочим, пишет замечательный писатель Даниил Андреев, сын известного писателя 19-го века Леонида Андреева. Он знаком нам был по школьной программе. А книга Даниила Андреева, участника обороны Ленинграда, «Роза Мира», которую он написал в тюремных застенках, была издана в Свердловске. И я получила эту книгу в 1996 году от людей, которые организовали её издательство. В Свердловске я побывала с чтением лекций о русской литературе.